

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы

Александр Изяславович ТЭВДОЙ-БУРМУЛИ

кандидат политических наук, доцент, кафедра интеграционных процессов
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация
E-mail: tevday@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2312-4482

ЦИТИРОВАНИЕ: Тэвдой-Бурмули А.И. (2019) Этнополитическая динамика
в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 4. С. 125–147. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Статья поступила в редакцию 25.03.2019.

АННОТАЦИЯ. Современная этнополитическая динамика стран ЦВЕ, входящих в ЕС, демонстрирует ряд тенденций, отличающих этот регион от других регионов Европейского союза. К числу наиболее характерных черт этой динамики относятся сегодня формирование правоконсервативных/правопопулистских режимов, попытки строительства этнократических национальных государств, повышенная политическая значимость проблематики трансграничных этнокультурных групп, наличие традиционно стигматизированной группы цыганского меньшинства. Эта специфика обусловлена в первую очередь особенностями исторического пути стран региона: прерванное или заторможенное на длительный срок национально-государственное строительство возобновилось на рубеже XX–XXI вв. в ситуации преобладания противоположных трендов на глобальном и европейском уровнях. Фактором, усугубляющим этнополитическую неста-

бильность, стало наличие трансграничных меньшинств, возникших вследствие распада ранее существовавших имперских формаций. Членство стран ЦВЕ в Европейском союзе и, следовательно, инкорпорация всего комплекса коммунитарного правопорядка явилось дополнительной вводной, влияющей на характеристики регионального этнополитического ландшафта. Аналитический фокус данной работы был сосредоточен на выявлении основных трендов современной этнополитической динамики региона и определении их факторов – как эндогенных, связанных с региональным бэкграундом, так и экзогенных, привнесенных. Проведенный анализ показал, что членство стран региона в ЕС оказало двоякое воздействие на региональные этнополитические тренды: стабилизирующее воздействие коммунитарного институционально-правового режима в области гарантий прав меньшинств проявляется синхронно с ростом евроскептической мотивации

сторонников сохранения и укрепления национального суверенитета. Последняя закономерность подтверждается в первую очередь динамикой внутривнутриполитического развития Польши и Венгрии, особенности исторического пути которых сформировали наиболее благоприятную среду для правоконсервативного поворота. С другой стороны, оказался проблематичным балтийский проект строительства национального государства, основанного на этническом принципе: неблагоприятные социально-экономические и демографические тренды вкупе с экзогенными факторами все больше способствуют строительству в Латвии и Эстонии гражданской, а не этнической нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *этнополитическая динамика, национализм, дискриминация, правый популизм, правый консерватизм, этнические меньшинства, трансграничные меньшинства, европейская интеграция*

Активизация и обострение этнополитической динамики¹, ставшие характерной чертой европейской реальности на рубеже XX–XXI вв., не обошли стороной и Центральную и Восточную Европу. Как и для запада континента, для региона ЦВЕ характерен рост популярности политических сил, использующих националистическую риторику, в некоторых странах – относительно высокий уровень уличного насилия с националистической мотивацией, практически повсеместно – алармизм в отношении мигрантов-неевропейцев.

Вместе с тем в этнополитической палитре субрегиона встречаются оттенки, не имеющие прямых аналогов в западной части Старого света и обусловленные исторической спецификой региона как постимперского лимитрофа – достаточно вспомнить в этой связи проблематику т.наз. «русскоязычных», а также венгров и поляков, оставшихся за пределами материнского государства. Более того, даже схожие формально с западноевропейскими аналогами тренды приводят к специфическим, не имеющим аналогов феноменам – и в этом контексте наше внимание привлекают в первую очередь правоконсервативные режимы Польши и Венгрии.

Наконец, вступление большинства стран ЦВЕ в Европейский союз сделало актуальным вопрос о параметрах интеграционного фактора этнополитической динамики региона.

В настоящей статье мы попытались инвентаризовать основные элементы современной этнополитической повестки региона ЦВЕ, определить ее принципиальные отличия от этнополитической динамики Западной Европы и задаться вопросом о причинах выявленной специфики. Также в нашу задачу входило наметить паттерны воздействия на эту повестку институционально-правового режима ЕС. Географическое содержание понятия ЦВЕ мы толкуем в данном случае достаточно традиционно и расширительно, включая в этот ареал не только страны Вышеграда, но и страны Балтии, Румынию и Болгарию – т.е. практически весь ре-

1 Под этнополитической динамикой мы понимаем динамику протекания этнополитических взаимодействий в соответствующем регионе. Этнополитические взаимодействия, в свою очередь, интерпретируются на базе модифицированного определения этнополитического конфликта, данного В. Тишковым [Тишков, Устинова 2007, с. 12], и понимаются нами как особый вид межгрупповых взаимодействий, базовыми отличительными признаками которых могут являться:

- 1) наличие фактора этнической самоидентификации в мотивации политически выраженных амбиций соответствующей группы – субъекта процесса
- 2) воздействие на параметры этнической идентичности группы – объекта процесса.

гион расширения ЕС 2004–2007 гг. за исключением Кипра и Мальты.

Мы сознательно оставляем в стороне проблематику пост-югославских этнополитических конфликтов как в силу специфичности происходящих на пространстве бывшей СФРЮ этнополитических процессов и методов их регулирования, так и в связи с тем, что этот регион лишь в малой степени охвачен интеграционной динамикой.

Формирование правоконсервативных режимов: случай Польши и Венгрии

Крах социалистических режимов в странах «народной демократии» обусловил приход к власти в регионе ЦВЕ либерально-демократических элит, ценностно ориентированных на Западную Европу и стремившихся максимально быстро интегрировать соответствующие страны в Европейский союз.

Однако уже на этой стадии политические паттерны центральноевропейских демократий существенно отличались от западноевропейских. Стоит вспомнить в этом контексте взлет популярности Движения за демократическую Словакию и его популистского лидера Владимира Мечьяра. Активно использующий смесь левой и националистической риторики, склонный к авторитарному стилю управления Мечьяр неоднократно избирается премьер-министром и президентом страны, однако с начала 2000-х гг. уступает место на политическом Олимпе более успешным политическим проектам.

Целый ряд аналогичных популистских движений появляется в этот период и в Польше. С 1993 г. входит в польскую политику партия «Самооборона» Анджея Леппера, схожего с В. Мечьяром по левопопулистской и евроскеп-

тической риторике. Максимального успеха Леппер добился в 2005 г., получив на выборах в Сейм 11,4% голосов.

В русле правого популизма выстроила свою программу Лига польских семей во главе с Романом Гертыком. Резкая антииммигрантская риторика, католический традиционализм принесли этой партии известный успех: на пике популярности в 2005 г. ЛПС получила 8% голосов польского электората. Как и в случае «Самообороны», взлет популярности Лиги польских семей пришелся на первую половину 2000-х гг., а затем последовал спад. На парламентских выборах 2007 г. ЛПС берет 1,3%, а «Самооборона» – 1,5% голосов.

Это очевидным образом связано с подъемом на политический Олимп главной силы польского правого лагеря – партии «Право и справедливость» (ПиС), оттянувшей на себя значительную часть электората радикальных популистов. Именно с этой партией оказался связан подлинный успех польского современного националистического проекта.

На выборах 2001 г. созданная братьями Качиньскими партия получает 9,5%, в 2005 г. – 27%, в 2007 – 32,1% голосов польских избирателей. После незначительного снижения поддержки до 29,9% в 2011 г., на выборах 2015 г. ПиС получила рекордные 37,6%.

Разумеется, националистической партию «Право и справедливость» можно назвать лишь отчасти. Программа ПиС носит все черты социал-консервативного дискурса: патерналистская риторика поддержки малоимущих сочетается здесь с фокусированностью на традиционных для польского общества католических ценностях, а также с лозунгами сильной государственности. Сильная государственность понимается в данном случае и как противодействие «диктату ЕС» – что сближает сторонников ПиС с либеральными нацио-

налистами-евроскептиками из других стран – членов ЕС. Наличие же в программе ПиС ярко выраженного антииммигрантского компонента, а также актуализировавшийся в 2015–2018 гг. антиукраинский компонент партийного дискурса делают националистический уклон ПиС еще более очевидным.

Если же добавить к этим голосам и 8,8%, собранных правыми популистами из партии «Кукиз'15», то можно констатировать, что к середине 2010-х гг. националистический дискурс в его системном – неэкстремистском – варианте был востребован более чем 45% польских избирателей.

Постсоциалистическая польская политическая динамика весьма схожа с динамикой венгерской. Как и в Польше, на смену либерально-демократическому дискурсу конца 1980-х – начала XXI в. пришел дискурс правоконсервативный, а на венгерском политическом Олимпе к середине 2000-х гг. появились и открытые правые радикалы.

Двумя основными протагонистами этого процесса стали возникшая еще в 1988 г. группа «Фидес» (FIDESZ, Альянс молодых демократов), сменившая несколько наименований и к 2010-м гг. превратившаяся в партию «Фидес – Венгерский гражданский союз», а также праворадикальное движение «Йоббик» (JOBBIK – Движение за лучшую Венгрию).

На первой фазе развития «Фидес» была лишь одной из многих группировок либерально-демократического толка постсоциалистической Венгрии с достаточно умеренными электоральными показателями (7–9%). Однако с 1998 г. начинается резкий и устойчивый подъем популярности «Фидес»: на парламентских выборах 1998 г. она получает уже 29,4% голосов, к выборам 2010 г. в союзе с карликовой Христианско-демократической народной партией (ХДНП) преодолевает планку в 50%, а на выбо-

рах 2018 г. за «Фидес» и ХДНП проголосовало 48,5% венгерских избирателей, пришедших к избирательным урнам.

Эксперты увязывают популярность «Фидес» как с личностью Виктора Орбана, приведшего партию к власти, так и с явным изменением партийного дискурса в 1990-е гг. От мейнстримного на тот момент социал-либерального дискурса партия переходит на позиции консервативного популизма, сочетающего критику непопулярной и непоследовательной социально-экономической политики либерального истеблишмента с использованием образа страдающей, «растерзанной злым роком» венгерской нации [Мадьяр 2016, с. 29; Jenne 2016]. Уместно тут вспомнить об устойчиво бытующем в венгерской исторической памяти стереотипе «позорного Трианона» 1920 г., вынудившего Венгрию передать соседям 2/3 территории страны, а также историю членства Венгрии в социалистическом лагере.

Чувство национальной ущемленности венгров успешно эксплуатировалось лидерами «Фидес» как в его евроскептическом варианте, так и в более традиционных и существенно более опасных формах. В ситуации социально-экономических неурядиц 2000-х гг., европейского миграционного кризиса 2015–2017 гг., привычным для партийной риторики образом врага стал не только покушающийся на венгерскую независимость Брюссель, но и международный финансист и филантроп еврейского происхождения – выходец из Венгрии Дж. Сорос.

Востребованность националистического дискурса сегодняшним венгерским обществом со всей очевидностью была продемонстрирована и успехом праворадикального движения «Йоббик», активно использовавшего антицыганскую риторику и практиковавшего уличные насильственные акции. На парламентских выборах 2014 г. – на

пике популярности – «Йоббик» получил 20,2% голосов.

Среди причин успеха популистских движений исследователи отмечают также социально-психологическую неготовность венгров, как и представителей других восточноевропейских социумов, к восприятию либерального современного дискурса, уже укоренившегося в западноевропейском обществе [Hjerm 2003].

Апелляция к националистическому и авторитарному дискурсам обуславливает и специфику практической политики правоконсервативных правительств Венгрии и Польши после прихода их к власти и завоевания устойчивого большинства в парламенте. Она характеризуется по меньшей мере двумя отличительными чертами.

1. Предпринимаются масштабные реформы государственных институтов, призванные конституционно закрепить достигнутое политическое преимущество правых консерваторов. Как правило, это сопровождается риторикой обличения политической и идеологической практики первого постсоциалистического десятилетия.

1 января 2012 г. в Венгрии вступил в силу принятый по инициативе «Фидес» новый закон о СМИ. В нем предусматривались санкции за «материалы, недостаточно сбалансированные политически» либо «оскорбительные». Также было учреждено Национальное управление СМИ, члены которого были назначены исключительно из рядов «Фидес» как правящей партии – причем вновь созданный орган был наделен правом требовать от журналистов раскрытия источников их информации. Позднее венгерское правительство пересмотрело наиболее проблемные положения закона, однако претензии Брюсселя к закону все же остались.

Еще один конфликт разгорелся вокруг новой Конституции Венгрии

(вступила в силу 1 января 2012 г.). Новая редакция Основного закона лишает венгерских граждан права обращения в Конституционный суд, ограничивает право референдумов, провозглашает католицизм «национальным вероисповеданием» с соответствующим привилегированным статусом, ограничивает право аборт, исключает однополые браки, ликвидирует независимость национального Центробанка, ставит под сомнение независимость судей.

Сходную логику продемонстрировала и реформа судебной системы, предпринятая польскими властями после победы правых консерваторов из «Права и справедливости» на выборах 2015 г. Она так же предполагала ликвидацию независимости судебной власти и подчинение ее правительству и парламенту. Кроме того, в 2016 г. польское правительство реформировало систему государственных СМИ, поставив их под контроль правящей партии, и внесло в Сейм законопроект о запрете аборт и уголовном преследовании за нарушение этого запрета.

В обоих случаях новые власти Польши и Венгрии подкрепляли отход от принципа разделения властей и либеральных режимов западноевропейского образца мотивацией возрождения сильного государства, разрыва с «антинародной» политикой прошедших десятилетий. Так, в 2010 г. В. Орбан выдвинул лозунг создания «Системы национального сотрудничества» – в противовес «смутным десятилетиям переходного периода». В 2014 г. он пошел еще дальше, заявив о создании «венгерского нелиберального государства» и войдя тем самым в прямой конфликт с ценностным режимом Европейского союза. Судебная реформа в Польше мотивируется необходимостью покончить с коррупционными практиками прежнего либерально-демократического режима и в целом укладывается в

провозглашенный лидерами ПиС курс «хороших перемен» для Польши.

Уместно заметить здесь очевидные аналогии и с динамикой развития российского социума постсоциалистического периода, прошедшего путь от либерально-демократического дискурса 1990-х гг. до маркирования этого десятилетия как «лихих 90-х» и возвращения к авторитарно-патерналистской модели государства. Это указывает на известное стадийное сходство ряда восточноевропейских социумов, объединенных опытом развитой (хотя и в разной мере) государственности: запаздывающая модернизация в сочетании с сохраняющейся травматичностью исторической памяти затрудняют демократический транзит и даже могут на какой-то момент обратить его вспять. Не случайно некоторые исследователи (Ф. Закария, Б. Мадьяр) видят в венгерском режиме Орбана частный случай проявления более общей тенденции распространения авторитарных режимов – в том числе и через механизмы авторитарного транзита ранее демократических режимов. При этом особо подчеркивается коррупционная составляющая это процесса [Мадьяр 2016, с. 75; Zakaria 2014].

2. Вторым важным элементом внутренней политики правоконсервативных правительств – элементом, напрямую указывающим на националистическую окраску данного дискурса, – является строительство национальных государств (политий) через ряд специфических ориентированных законов – об образовании, культуре, местной администрации и языке, о гражданстве и, наконец, т.наз. статусных законов. Статусные законы обеспечивают права не имеющих гражданства выходцев из данной страны, проживающих за рубежом. Это подразумевает финансовую, культурную, образовательную и другие виды поддержки соотечественников в стране проживания со стороны стра-

ны происхождения (т.наз. kin-state), а также специальные права в стране происхождения (в первую очередь избирательное право и право на образование). Функционально схожим с действием статусных законов является действие специальных документов, выдаваемых в некоторых странах ЦВЕ проживающим за рубежом соотечественникам (например, т.наз. карточки поляка, дающей некоторые права гражданам стран СНГ польской национальности).

Подобный подход, безусловно, противоречит пониманию нации как территориального политического сообщества. Как отмечает З. Кантор, статусные законы основываются на этнокультурной концепции нации, «расширяя границы нации вне границ государства» [Kantor 2006, pp. 44–45]. Вместе с тем он вполне укладывается в парадигму т.наз. этнополитического треугольника Р. Брубейкера [Brubaker 1996], характерного, с его точки зрения, для этнополитической динамики Центральной и Восточной Европы в результате перманентной перекройки границ вследствие войн и постимперских коллапсов. Углами этого треугольника стали бывшие метрополии (kin-states), выделившиеся из их состава вновь возникшие государства и проживающие в последних этнические группы, принадлежавшие к титульной группе бывшей метрополии.

Венгерское меньшинство является крупнейшим, но не единственным трансграничным меньшинством региона. Поэтому наряду с Венгрией по пути создания специального законодательства для зарубежных соотечественников, призванного подчеркнуть этнокультурную, примордиалистскую основу соответствующей национальной общности, в постсоциалистическую эпоху пошли почти все государства ЦВЕ. Заметим, что в 1999 г. в России был принят аналогичный по сути закон «О государственной политике Рос-

сийской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», что может указывать на сходство протекающих в России и странах ЦВЕ процессов в силу стадийной близости соответствующих обществ.

Некоторые авторы к причинам востребованности подстегивающего популизм националистического дискурса в регионе ЦВЕ относят также такие факторы, как:

- кризис ранее бытовавшей модели экономического развития региона – модели, предполагавшей дерегулирование, либерализацию и активное участие в европейском внутреннем рынке – в контексте мирового кризиса 2008–2009 гг.; если с 2000 по 2008 гг. региональный ВВП вырос более чем в 3 раза, то за период с 2008 по 2016 гг. этот показатель снизился на 14% [World Bank Data 2016];

- усиление ощущения экономической уязвимости;
- рост социального и кроссрегионального неравенства;
- региональные и общеевропейские вводные: кризис зоны евро, миграционный кризис, украинский кризис 2014 и последующих лет);
- традиционно низкий уровень доверия населения к политическим институтам и его снижение в условиях кризиса [Brunnbauer, Haslinger 2017].

Безусловно, абсолютизировать фактор нисходящей экономической динамики не стоит – тем более что в разных странах региона он проявился в разной степени и отнюдь не везде привел к радикальному изменению политического ландшафта. Однако свою лепту в дело растормаживания националистической активности он, очевидно, внес.

Таблица 1. Крупнейшие правоконсервативные/правопопулистские партии стран ЦВЕ (2010-е гг.) / The biggest right conservative/right populist parties of CEE in 2010s

	Партия	Максимальный уровень электоральной поддержки (% от поданных голосов)	год
Болгария	АТАКА	9,4	2009
Венгрия	FIDESZ (Фидес – Венгерский гражданский союз)	52, 7 (в блоке с ХДНП)	2010
Венгрия	JOBBIK (ЙОББИК – Движение за лучшую Венгрию)	20,2	2014
Латвия	Nacionālā Apvienība (Национальное объединение)	16,6	2014
Литва	Tvarka ir Teisingumas (Порядок и справедливость)	7,3	2012
Польша	PiS (Право и справедливость)	37,6	2015
Польша	Kukiz'15 (Кукиз'15)	8,8	2015
Словакия	Slovenská Národná Strana (Словацкая народная партия)	8,6	2016
Словакия	Ľudová Strana Naše Slovensko (Народная партия «Наша Словакия»)	8,0	2016
Чехия	Svoboda a Přímá Demokracie (Свобода и прямая демократия)	10,6	2017
Эстония	Eesti Konservatiivne Rahvaerakond (Консервативная народная партия Эстонии)	17,8	2019

Составлено автором.

Эта интерпретация вполне укладывается в разделяемую нами типологию факторов националистической мобилизации, предполагающую, в частности, существование фактора социально-экономического модернизационного шока [Тэвдой-Бурмули 2018, с. 201, 205]. В итоге практически во всех этих государствах – за исключением Румынии – к концу 2010-х гг. в национальные парламенты сумели войти правопопулистские – либо склоняющиеся к популизму правоконсервативные – партии разной степени влиятельности и успешности (см. табл. 1), хотя лишь в Венгрии и Польше им удалось завоевать стабильное большинство, позволившее начать отход от либеральных идеологем, ранее положенных в основу конституционного строя этих стран.

Цыгане как традиционный Чужой в регионе ЦВЕ

Цыганское население проживает в регионе ЦВЕ уже многие столетия, однако традиционно занимает низшие ступени социальной лестницы восточноевропейских обществ – и столь же традиционно является объектом националистической агрессии титульных этнических групп стран региона. Точные данные по количеству проживающих в странах ЦВЕ цыган отсутствуют в силу проблем с документированием их личности; приблизительные же экспертные оценки указывают на то, что к середине 2010-х гг. в странах ЦВЕ проживало ок. 8 млн цыган из общего их количества в Европе, исчисляемого 10–12 млн чел. [Bernát, Messing 2016]. После присоединения к ЕС стран ЦВЕ значительное количество цыган переместилось с Востока на Запад, усугубив социокультурный шок западноевропейцев, вызванный миграционной волной рубежа веков.

Значительность цыганского меньшинства в Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии (по разным оценкам – от 2 до 10% населения соответствующих стран) в сочетании с традиционно низким уровнем социокультурной интегрированности цыган привели, на фоне социально-экономических неурядиц 1990-х гг. и идеологической дезориентации титульных этнических групп, к усилению антицыганской активности. Последняя носит как внесистемный, так и вполне системный, институализированный характер.

Внесистемная активность выражается в первую очередь в применении по отношению к цыганам языка ненависти со стороны политиков и частных лиц и, как следствие, в нападениях на цыган лиц титульной национальности.

Дополнительной мотивацией такой активности служит небезосновательное, во многих случаях, восприятие цыган как группы повышенной криминогенности [Violent Attacks 2010, p.10]. Это позволяет антицыгански настроенным группам и политическим силам аргументировать свои действия необходимостью защищать титульное население от «преступных посягательств цыган» и фактически развязывает титульным националистам руки для бесконтрольного применения силы. В Венгрии в 2008–2009 гг. в ходе таких акций «наведения порядка» было убито 6 цыган, в Болгарии в 2011–2012 гг. – 3 цыгана. В Словакии, Чехии, Венгрии, Болгарии в насильственных антицыганских акциях принимали участие как несистемные праворадикальные организации (например, «Венгерская гвардия»), так и государственные структуры (в первую очередь – правоохранительные), а праворадикальные партии открыто практиковали и практикуют в отношении цыган язык ненависти. Так, лидер болгарского парламентского блока «Объединённые патриоты» В. Симе-

онов в своем выступлении в парламенте назвал цыган «наглыми одичавшими человекоподобными существами» [Zahariev 2018]. Эксперты отмечают, что наибольшую электоральную поддержку праворадикальные партии получают именно в районах со значительным количеством цыганского населения и, следовательно, повышенным алармизмом титульных групп в отношении цыган [Kluknavská 2012, pp. 19–21, 24–28].

Осенью 2014 г. болгарское правительство заявило о 175 атаках на врачей со стороны цыган за год и рекомендовало медицинским бригадам не выезжать на вызовы в опасные районы. В мае 2015 г. произошли погромы цыганского населения в Софии и на юго-западе Болгарии. С 2011 по 2016 гг. было отмечено 185 случаев преступлений ненависти в отношении цыган в Чехии [Hate Crime Reporting 2018].

Еще более активизировались антицыганские настроения в середине 2010-х гг. в контексте миграционного кризиса [The Situation of Roma and Travellers 2016]. На 2016 г. 85% чешских цыган, 53% – венгерских, 44% – словацких и 38% – румынских считали, что в стране их проживания существует дискриминация по этническому принципу [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 41]. В июле 2017 г. обострилась ситуация вокруг цыганской общины в Асеновграде (Болгария).

Массовые антицыганские настроения и объективно сложившиеся особенности социокультурного поведения цыган приводят к институализации практик, которые, с известного ракурса, можно считать дискриминационными. В частности, объективно сложилась традиция раздельного обучения – фактически сегрегации – цыганских детей в школах стран ЦВЕ. На 2016 г. 46% цыганских детей в возрасте от 6 до 15 лет учатся в классах, где нет ни-

кого, кроме цыган, либо они преобладают. В Словакии этот процент составляет 62%, в Венгрии – 61%, а в Болгарии – 60% [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 28]. При этом следует отметить, что лишь 48% цыган получают в итоге среднее законченное образование, и лишь 5% – образование высшее [Fundamental Rights Report 2017, p. 105]. Застойный структурный характер имеет безработица среди цыганского населения: только 25% цыган старше 16 лет заявили в 2016 г. о наличии у них работы [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 18]. 23% цыган в Болгарии, 27% – в Словакии, 33% – в Венгрии и 68% – в Румынии живут в помещениях без водопровода [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 33]. При этом попытки государства и международных организаций улучшить жилищные условия цыганского населения путем переселения в городские кварталы часто приводит к быстрой деградации последних и геттоизации района. В итоге цыганам крайне неохотно сдают или продают жилье: в 2016 г. в целом по ЕС 41% опрошенных цыган жаловался на дискриминацию по национальному признаку в процессе поиска жилья за предшествовавший пятилетний период [Fundamental Rights Report 2017, p. 110].

С момента расширения Европейского союза на страны ЦВЕ и превращения проблемы дискриминации цыган во внутреннюю проблему ЕС Брюссель пытался выработать комплексный подход, который включал бы не только борьбу с дискриминацией, но и адаптацию цыганского населения ЕС. В 2005 г. ЕС объявил о начале «Декады интеграции цыган», рассчитанной до 2015 г. В 2008 г. состоялся первый т.наз. «Цыганский саммит ЕС» в Брюсселе, конкретизировавший задачу интеграции цыган.

К следующему аналогичному саммиту ЕС, состоявшемуся в Кордове в 2010 г., Европейская комиссия подготовила Сообщение о социально-экономической интеграции цыган в Европе – и с этого момента данное направление деятельности ЕС приобретает характер долгосрочной стратегии. Программа интеграции цыган инкорпорируется в приоритет «Инклюзивного роста» европейской «Стратегии 2020» и становится частью ее Флагманской инициативы «Европейская платформа борьбы с бедностью». В 2011 г. Комиссия призвала все государства-члены разработать национальные стратегии интеграции цыган и сформировала Рамочную программу ЕС в этой области. Ежегодно государства-члены отчитываются перед ЕС о ходе реализации мер по интеграции цыганского населения и борьбе с его дискриминацией. Меняется национальное законодательство, при финансовой поддержке ЕС запускаются программы социально-экономической поддержки цыган. Так, например, в Чехии под давлением ЕС в 2015 г. был модифицирован закон о школьном образовании, ранее допускавший обучение цыганских детей в специальных классах для умственно отсталых; отныне отстающих цыганских учащихся в обязательном порядке обучают в обычных классах с предоставлением им специальной помощи для лучшей успеваемости. В 2016 г. в Румынии правительство начало реализацию аналогичной программы по десегрегации цыганского образования. В Словакии и Венгрии, однако, подобные законы продолжают на 2018 г. действовать в изначальном, допускающем дискриминацию цыган, виде.

В целом, даже отмечая известную позитивную динамику статуса цыганского населения, эксперты констатируют неравномерность прогресса в реализации антидискриминационных мер в зависимости от страны, а также него-

товность общества и государства интегрировать цыган на практике [*Chopin, Germaine, Tanczos* 2017, p. 26]. Несмотря на очевидные усилия, предпринимаемые как национальными властями, так и европейскими интеграционными институтами, цыгане в странах ЦВЕ сохраняют свою сложившуюся за века социокультурную обособленность, проводя националистическую агрессию в свой адрес.

Строительство национального государства в постмодерной Европе: балтийский эксперимент и его промежуточные результаты

Значимым этнополитическим феноменом современной Центральной и Восточной Европы стала коллизия вокруг статуса т.наз. «русскоязычного» населения республик бывшей Советской Прибалтики – Латвии и Эстонии. Согласно отечественной традиции, в эту категорию традиционно включаются большинство нетитульного населения этих государств, за исключением тех этнических групп, представители которых сохранили родной язык (не русский) в качестве разговорного (например, цыгане). Статистика Латвии и Эстонии, однако, оперирует категорией не лингвистической, а этнокультурной принадлежности – что позволяет Риге и Таллину уменьшить цифру проблемного меньшинства до численности собственно русской диаспоры в этих странах. Между тем с точки зрения своей идентичности советского периода значительная часть украинцев, белорусов, евреев, татар – тем более проживавших вне границ своей титульной союзной или автономной республики – крайне мало и по языку, и по культуре отличалась от собственно русского населения, являясь по сути представителями

того самого «многонационального советского народа», о возникновении которого говорили в 1970-е гг. советские идеологи. За время пребывания Латвии и Эстонии в составе СССР численность русскоязычного населения этих республик существенно выросла за счет массовой миграции в балтийские республики рабочих вновь создаваемых союзных предприятий, работников государственных и партийных органов, военнослужащих, представителей научной и культурной элиты. К моменту распада СССР численность русскоязычных в Латвии составляла 42–44%, а русских – 34% [Федотов 2010]. В Риге русскоязычные образовывали большинство населения. В Эстонии в 1991 г. проживало около 36–37% русскоязычных [Численность населения], из коих 30,8% составляли русские [Симомян, Кочегарова 2010, с. 60].

Как известно, принятые в начале 1990-х гг. законы о гражданстве Латвии (1991 г.) и Эстонии (1992 г.) наделили правами гражданства этих республик только лиц, проживавших на территории Латвии и Эстонии до даты их инкорпорации в состав СССР в 1940 г., а также их прямых потомков. Тем самым от статуса граждан было отстранено значительное меньшинство населения этих стран, прибывшее в Латвию и Эстонию за время их пребывания в составе СССР. Появились категории «неграждан» (Латвия) и «иностранцев / лиц с неопределенным гражданством» (Эстония), имеющих постоянный вид на жительство в данных странах, но существенно пораженных в социальных правах и лишенных прав политических. Параллельно в республиках был введен жесткий порядок натурализации по годичным квотам (впоследствии отмененным), предусматривавший сдачу аппликантами экзаменов на знание государственного языка, конституции и истории страны. По-

следнее предполагало необходимость эксплицитного признания аппликантами постсоветской версии истории и, следовательно, признания ими факта оккупации соответственно Латвии и Эстонии в советский период.

Поскольку абсолютное большинство неграждан по понятным объективным причинам составили русскоязычные, это дало возможность экспертам говорить о попытке создания в балтийских странах этнократической государственности [Yiftachel, Ghanem 2004; Agarín 2016; Poulsen 1994] – хотя формально никаких ограничений по этническому признаку законы о гражданстве не допускали и значительное число русскоязычных получило гражданство автоматически. Так, в Эстонии количество русских, сразу получивших эстонское гражданство, составило 124 тыс. чел. [Грубер 2012] – т.е. около 25% русского населения Эстонии на 1989 г.

Подобный нетипичный для современной европейской политики тренд был обусловлен тремя причинами.

1. Сыграла свою роль социокультурная фрустрация, накопившаяся в эстонском и латышском социумах за годы вынужденного, с точки зрения националистически ориентированных представителей титульных наций этих советских республик, пребывания в составе СССР. Интенсивная политика привлечения рабочих рук из других союзных республик в ходе послевоенной индустриализации Латвии и Эстонии существенно изменила демографический баланс. Так, доля эстонцев в населении Эстонии уменьшилась с 97% в 1945 г. до 62% в 1989 г. [Численность населения, с. 9], а доля латышей в населении Латвии – с 80,1% в 1943 г. до 52% – в 1989 г. [Федотов 2010]. Возникла ситуация культурного шока, функционально схожего, при всех очевидных отличиях, с культурным шоком западноевропейских социумов в контексте ми-

грационного бума. В ситуации распада СССР и возрождения национальной государственности для национальных радикалов появилось «окно возможностей» переиграть миграционную динамику советского периода и вернуться к начальной ее точке – национальному государству межвоенного периода с относительно низкой долей нетитульных групп и однозначным доминированием титульной культуры. Инструментом выполнения этой задачи стало натурализационное законодательство, создавшее максимально некомфортный политический и отчасти социальный статус пребывания неграждан в Латвии и Эстонии. Созданный режим должен был либо побудить неграждан к отъезду – либо гарантировать их изолированность от национального процесса принятия решений. В каком-то смысле эта программа напоминает миграционную программу европейских правых популистов: натурализация должна быть строго индивидуальной, мигранты должны иметь ограниченный доступ к социальным благам и отсекаются от влияния на политические процессы. Сходство дополняют лингвистические режимы, установленные в Латвии и Эстонии, а также проведенные в этих странах реформы школьного образования: оба этих блока политик имеют ярко выраженный ассимиляционный характер – хотя известные гарантии культурно-национальной автономии для меньшинств все же сохраняются.

2. Строительству этнократического режима способствовал характер пришедшей к власти в этих странах элиты. Отсечение от политики русскоязычной части элиты было дополнено приходом в политику небольшой, но влиятельной эмигрантской части латышской и эстонской элиты, не имевшей никакого опыта коммуникации с русскоязычными и переносившими на них свое негативное отношение к СССР в целом (до-

статочно в этом контексте упомянуть президентов Латвии В. Вике-Фрейберга и Эстонии Т. Ильвеса).

3. Положение русскоязычного меньшинства в балтийской версии этнополитического треугольника Р. Брунбекера усугублялось спецификой его kin-state – постсоветской России. Постимперский статус России предполагал начало ее транзита в фазу строительства национального государства. Однако сохраняющаяся мультиэтничность Российской Федерации в сочетании с либеральным ценностным режимом 1990-х гг. препятствовала строительству нации на этнокультурной – собственно русской – основе и толкала национальный проект в сторону формирования политической нации. Это, в свою очередь, препятствовало формированию концепта зарубежных соотечественников, поскольку модель территориальной политической нации не предполагает наличия экстерриториальных фрагментов. В итоге, хотя концепт соотечественников получил некое воплощение в российском праве и российской политике, его эффективность вызывает много вопросов у наблюдателей. Кроме того, Россия 1990-х гг. не была способна обеспечить защиту прав т.н. «соотечественников» просто ввиду собственной экономической и политической слабости.

Была ли достигнута поставленная национал-демократической элитой Латвии и Эстонии цель?

С одной стороны, отсечение значительной части русскоязычных – преимущественно социально ориентированных бюджетников и рабочего класса – от процесса принятия решений позволило провести радикальные политическую и экономическую реформы, существенно приблизившие балтийские страны к европейским стандартам «хорошего управления», открытого демократического общества и либераль-

ной экономики. Голос левых, а также патерналистски настроенных русскоязычных был проигнорирован, что облегчило расставание Латвии и Эстонии с советским прошлым.

Можно отметить и номинальный успех в деле «рениационализации» соотечественников стран. Так, к 2001 г. доля эстонцев вновь увеличилась до 68% [REL 2011], а доля латышей в Латвии к 2000 г. возросла до 57,6% [Итоги переписи 2001].

Путем естественной убыли населения и натурализации сокращается количество постоянных резидентов, связывающих себя с зарубежным kin-state. В 2011 г. количество респондентов в Латвии, указывающих Россию как страну происхождения, сократилось с 9,6% (данные переписи 2001 г.) до 7,7% [Gada Tautas 2012]. За тот же период количество неграждан снизилось до 295 тыс. – т.е. на 41% [Gada Tautas 2012]. Подобное соотношение означает, что основная причина сокращения числа неграждан – это массовая натурализация. В Эстонии «доля лиц с неопределенным гражданством снизилась с 32% в 1992 г. до 7% в октябре 2011 г.» [Груббер 2012, с. 158].

С другой стороны, за четверть века, истекшую с начала балтийского эксперимента по формированию этнократической версии национальных государств, задача ассимиляции русскоязычных или же их вытеснения за пределы национальной политики была решена лишь частично.

Большинство русскоязычного населения Латвии и Эстонии, даже будучи негражданами, обнаружило низкую заинтересованность в переселении в страну своего происхождения (в первую очередь – Россию). Это было связано как с организационной и политической неготовностью России принять зарубежных соотечественников (так, Государственная программа по оказа-

нию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников начинает функционировать только в 2006 г.), так и с неготовностью самих потенциальных переселенцев менять относительно комфортный и упорядоченный уклад страны проживания на неизвестную и уже отдалившуюся социокультурно реальность страны происхождения. Это подтверждается и статистика по уже реализующейся упомянутой Государственной программе: абсолютное большинство запросов на переселение в Россию исходит от соотечественников, проживающих в центральноазиатских государствах и европейских государствах СНГ. На долю запросов из стран Балтии в 2011 г. приходилось менее 10% от общего их числа [Мониторинг 2011], а в конце 2017 г. – 0,3% [Мониторинг 2017].

Таким образом, столь часто критикуемая за свой дискриминационный характер натурализационная политика Таллина и Риги 1990-х гг. не смогла привести к радикальному сокращению нежелательного для строителей балтийских этнократических демократий русскоязычного сегмента – но и не способствовала радикальному повышению лояльности его представителей к стране проживания. В 2017 г. доля неграждан в населении Латвии составила 11,4% – и еще 3% составили постоянные резиденты Латвии, имеющие гражданство России, Украины и Белоруссии [Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums 2017]. В Эстонии доля неграждан к началу 2017 г. составила 6,03% [Гражданство и миграция 2018]. Учитывая, что в 2000-х гг. порядок натурализации в обоих государствах был сильно облегчен, такой процент отказавшихся воспользоваться открывшимися возможностями отчасти свидетельствует о сохраняющемся межобщинном расколе внутри Латвии и Эстонии, отчасти – о выгоды статуса негражданина для

его обладателя. Так, в частности, неграждане не служат в армии и имеют льготы при въезде в Россию.

В результате сегмент неграждан эстонского и латвийского обществ, несколько сократившись, закапсулировался. Однако очевидно, что в среднесрочной перспективе (до 2030–2035 гг.) проблема неграждан окончательно исчезнет из повестки балтийских стран либо за счет физического ухода русскоязычного населения старших возрастов (а именно оно в значительной степени формирует когорту неграждан) – либо за счет уже давно идущей либерализации натурализационного законодательства Эстонии и Латвии. В первую очередь эта либерализация касается выпускников школ – детей неграждан. Они, а равно и некоторые другие категории населения, могут получить гражданство в заявительном порядке – т.е. без сдачи натурализационных экзаменов. В 2017 г. две из трех правящих партий Эстонии выступили с инициативой предоставить гражданство всем негражданам, более 25 лет прожившим в республике, и, хотя решение по этому вопросу к 2018 г. так и не было принято, сама постановка его на обсуждение хорошо показывает вектор настроений значительной части политической элиты страны.

В итоге к концу 2010-х гг. натурализационное законодательство Латвии и Эстонии оказалось радикально либерализовано – что, парадоксальным образом, прямо противоположно направлению, в котором трансформируется миграционное законодательство стран Западной Европы в ситуации миграционного кризиса и роста влияния правопопулистского дискурса.

Это можно объяснить как крайне сложной демографической ситуацией в республиках (в первую очередь – в Латвии) и массовой трудовой эмиграцией населения в страны Западной Европы, так и относительным снижением

алармизма балтийских националистов по поводу угрозы доминирования русскоязычной части социума в политике, экономике и культуре. Хотя ассимиляции русскоязычных за истекшие с момента восстановления независимости четверть века так и не произошло, развитие в отрыве от kin-state в сочетании с уходом старших возрастов и последовательным расширением сферы использования государственных языков в сфере школьного образования обусловило фактическое двуязычие молодых представителей русскоязычной диаспоры Латвии и Эстонии. Учитывая же, что интересы бизнеса вынуждают учить русский язык и представителей титульной группы [Dilans 2009], можно констатировать, что процесс переплавки двух лингвистических сообществ в единую политическую нацию соответственно в Латвии и Эстонии все-таки идет – хотя и с большим трудом. Признаком этого тренда могут считаться и поправки 2016 г. к эстонскому закону о правовой помощи, согласно которым суды должны принимать и переводить за свой счет ходатайства, написанные на русском языке, и фактическое двуязычие населения крупных латвийских городов. Все более активно участвуют представители русскоязычного сегмента Латвии и Эстонии в системной политике (достаточно вспомнить мэра Риги Н. Ушакова и председателя городского собрания Таллина русскоязычного корейца Михаила Кылварта) и даже, парадоксальным образом, в националистическом движении соответствующих титульных групп. Так, например, лидером молодежного крыла националистической Эстонской консервативной народной партии является русскоязычный Федор Стомахин.

Таким образом, кейс русскоязычного меньшинства в постсоветских Латвии и Эстонии может служить хорошим примером сложностей строитель-

ства классического национального государства эпохи раннего модерна в эпоху его глобального увядания. Если интересы национального строительства в условиях мультиэтнического и многоязычного социума требуют применения ассимиляционной стратегии (см. пример раннемодерной Франции), то глобализационные тренды в сочетании с нацеленным на соблюдение прав меньшинств современным международно-правовым режимом входят с таковой в неразрешимое противоречие. Осложняет построение национального государства и членство в Европейском союзе, который не только ограничивает применение ассимиляционных практик своим ценностным режимом, но и ставит под сомнение саму возможность сохранения классического национального суверенитета в условиях открытых внутренних границ ЕС и всевозрастающих полномочий Брюсселя.

В итоге изначально этнократический проект все более сдвигается в сторону построения современной политической нации, что еще раз демонстрирует в целом стабилизирующий эффект, оказываемый интеграционным процессом на этнополитическую динамику европейского региона.

Венгерское и польское трансграничные меньшинства: замороженная конфликтность

Следует заметить, что после окончания холодной войны и распада социалистического лагеря дизайн «этнополитического треугольника» актуализировался не только в отношениях России со странами Балтии. Аналогичные конфликты «оттаяли» по всей территории региона ЦВЕ. Наиболее остро в начале 1990-х гг. проявили себя проблемы статусов польского меньшинства в Литве и венгерского меньшинства в Румы-

нии. Как и в подробно разобранных выше случаях Эстонии и Латвии, возвратившие себе полный суверенитет национальные государства региона встали на путь «ренационализации» – хотя, конечно, с гораздо меньшей интенсивностью, чем упомянутые государства Балтии. В первой половине 1990-х гг. это привело к попыткам вытеснения меньшинств из политики – в первую очередь через широко практикующуюся перенарезку избирательных округов (т.наз. «джерримандеринг» [cf., e.g., O'Dwyer 2006, p. 113]), а также языковую и образовательную политику. Ответом стала активизация националистического движения соответствующих меньшинств (в первую очередь – венгерского в румынской Трансильвании).

Однако уже с середины 1990-х гг. процесс эскалации был приостановлен. После подписания т.наз. Европейских соглашений об ассоциации перед государствами региона появилась ясная перспектива членства в Европейском союзе – статуса, регулируемого т.наз. «Копенгагенскими критериями членства» 1992 г. Страна, претендующая на членство в Европейском союзе, должна, в частности, принять весь комплекс европейского права (*aquis communautaire*), придерживаться стандартов открытого демократического общества и правового государства. В процессе приближения к ЕС государства региона были вынуждены ввести в перспективные рамки свой романтический национализм эпохи ресувверенизации конца 1980-х гг. – и плодом этого стала серия договоров, гарантировавших известный статус этнических меньшинств региона.

В 1994 г. Польша и Литва подписали договор, гарантировавший получение образования на польском языке в регионе компактного проживания поляков в Литве, возможность двуязычия топонимических знаков на этой террито-

рии и сохранение польского написания имен и фамилий в официальных литовских документах.

В 1995 г. Венгрия достигла соглашения со Словакией (т.наз. «Основной договор») о применении к венгрозязычным районам Словакии Рекомендации Совета Европы № 1201 о гарантиях специального статуса регионов с преобладанием этнического меньшинства страны.

В 1996 г. был подписан румыно-венгерский договор, обеспечивший возможность выдвижения этнических венгров Трансильвании на должности префектов в зоне их расселения, а также возможность использовать в регионе венгерский язык.

Однако волна правопопулистского подъема, захлестнувшая Европейский союз и его восточные регионы в конце 2000-х гг., вновь усилила националистический дискурс в странах ЦВЕ и поставила под сомнение достигнутую ранее относительную стабильность. В первую очередь это касается положения венгерских меньшинств, официально провозглашенных правительством В. Орбана неотъемлемыми частями венгерской нации и, следовательно, воспринимаемых государствами их расселения в качестве потенциальной «пятой колонны». Так, например, после принятия в 2010 г. венгерскими властями закона о двойном гражданстве в Словакии немедленно был принят встречный закон, запрещающий гражданам страны (в том числе, разумеется, и этническим венграм) принимать второе гражданство под угрозой утраты гражданства Словакии.

Опасения соседей Венгрии относительно перспектив венгерской ирренденции небезосновательны. Так, в 2009 г. в северных уездах Трансильвании был провозглашен т.наз. Секейский край – непризнанное румынскими властями автономное территориальное образо-

вание, объединившее часть проживающих в Румынии венгров. В 2010 г. на съезде муниципальных властей вновь провозглашенного края было принято решение о придании венгерскому языку статуса официального языка автономии. Это решение тоже было опротестовано Бухарестом.

Затронуты этим трендом оказались и польско-литовские отношения. В 2010 г. утратил силу литовский закон о национальных меньшинствах; новый закон на смену ему не пришел. Варшава, со своей стороны, все активнее выражает поддержку польскому меньшинству Литвы, причем в этом вопросе польские правые консерваторы выступают солидарно с польскими либералами [Tusk 2014].

Суммируя сказанное, можно констатировать, что в центрально- и восточноевропейском регионе Европейского союза прослеживаются два явно выраженных и отличающихся друг от друга зональных типа этнополитической активности. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы увидеть определенную закономерность в зональной привязке этих типов.

1. Тип «Травмированная сложившаяся государственность». Как правило, он характеризуется доминированием или, по меньшей мере, значительной ролью правоконсервативных сил в истеблишменте. Их приход во власть приводит к частичному демонтажу ранее сложившейся либерально-демократической государственности западноевропейского образца и отходу от предлагаемого Брюсселем ценностного режима. К этому типу относятся, в первую очередь, Польша и Венгрия – страны с тысячелетней историей государственности, длительными периодами ее утраты и иноземного господства. В XX в. их государственность была воз-

рождена в межвоенный период, однако снова поставлена под сомнение инкорпорацией в лагерь стран «народной демократии» во времена холодной войны. Вновь обретая полный суверенитет в 1990-х гг., они опять его утратили при вступлении в ЕС. Немаловажно, что эти католические страны неоднократно играли роль западноевропейского фронта против России/Москвы и Турции. Таким образом, память о былом суверенном величии и о той роли, какую эти страны играли в судьбе Европы, стимулирует попытки возрождения былого статуса – однако участие в европейском интеграционном проекте ставит на этих великодержавных претензиях крест. Результатом становится фрустрация значительной части общества, рост популярности сил, декларативно противостоящих тренду ослабления национального суверенитета и рецепции «чуждых», навязываемых Брюсселем ценностей. Этим же обусловлено в значительной степени и обострение ситуации с трансграничными меньшинствами Польши и Венгрии, отрезанными от своих kin-states и вызывающими алармизм у титульной группы государств их нынешнего проживания.

С этой точки зрения характерно, что весьма близкие географически и социально-политически вышеуказанным странам Чехия и Словакия демонстрируют несколько иные тенденции внутривнутриполитического развития. Несмотря на распространённость в этих странах Вишеграда евроскептических настроений, правым популистам (да и популистам вообще – если вспомнить случай В. Мечъяра) не удается устойчиво закрепиться во власти и, тем более, переформатировать конституционный режим в своих интересах. Феномен «травмированной государственности» тут выражен слабо, а интенция защиты чешских и словацких трансгра-

ничных меньшинств практически отсутствует за неоформленностью таковых. При этом Чехия и Словакия в полной мере разделяют с Венгрией, а равно с Болгарией и Румынией, характерную для стран ЦВЕ остроту антицыганской проблематики.

2. Тип «Молодая нация». Данный тип предполагает ускоренное запоздалое строительство национального государства, что в условиях наличия элементов «этнополитического треугольника» Брубейкера приводит к этнократическим эксцессам. К этому типу относятся в первую очередь Латвия и Эстония. Национальные общности сложились в этих регионах только в XIX в. под эгидой Российской империи – и только после распада последней в межвоенный период была сделана достаточно успешная попытка создать на базе этих общностей национальные государства. Эта попытка была прервана инкорпорацией Латвии и Эстонии в состав СССР в 1940 г. Процесс создания национальных государств в этих республиках возобновился только после распада СССР и, в силу обстоятельств, с той точки, которую более успешные европейские государства прошли в XVIII–XIX вв.

Насколько повлияло на динамику и интенсивность этнополитических процессов вступление стран региона в ЕС?

С одной стороны, необходимость соответствовать «Копенгагенским критериям членства» вынудила страны-кандидаты формально урегулировать значительную часть имевшихся на начальном этапе постсоциалистического существования взаимных претензий, связанных со статусом этнорегиональных меньшинств. Известные позитивные последствия имело расширение ЕС на Восток и для традиционно дискриминируемого в регионе цыганского меньшинства. Наконец, сдерживающее воздействие оказал ин-

ституционально-правовой режим ЕС на политику национального строительства в Латвии и Эстонии: наличие у русскоязычного населения этих стран права выезда на работу в другие страны ЕС и обусловленный этим отток представителей этой группы на Запад не только снизили уровень алармизма властей Риги и Таллина в отношении русскоязычного населения, но и привели к существенной либерализации натурализационного законодательства в этих странах.

С другой стороны, во всех указанных выше случаях позитивный эффект интеграционного процесса оказался весьма скромным. Конфликты вокруг трансграничных меньшинств продолжают, как мы видели, омрачать отношения между странами, входящими в соответствующие «этнополитические треугольники». Принятие *aquis communautaire* не помешало Риге и Таллину сохранить, хотя и в смягченной форме, дискриминационный статус неграждан/иностранцев. Попытки интеграции цыган наталкиваются на значительные проблемы системного характера.

Наконец, весьма негативную роль сыграл имидж ЕС как вновь возникающего оппонента национальных государств в контексте правопопулистского подъема в регионе и формирования правоконсервативных режимов Польши и Венгрии.

Отмеченная выше специфика только подчеркивает релевантность рассмотрения региона ЦВЕ в качестве отдельного субрегиона / комплекса субрегионов формирующейся на наших глазах европейской политики. Более того – некоторые внутрирегиональные этнополитические тренды (в первую очередь – попытки ресуверенизации национального государства и строительства этнократических политий) могут рассматриваться как симптоматичные и в общеевропейском контексте.

Список литературы

Гражданство и миграция (2018) // Министерство внутренних дел Эстонской Республики // <https://www.siseministeerium.ee/ru/grazhdanstvo-i-migraciya>, дата обращения 31.08.2019.

Грубер Д. (2012) Статус «иностранца»: почему в Эстонии по-прежнему много неграждан. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 15. № 1(60). С. 157–184 // <https://cyberleninka.ru/article/n/status-inostrantsa-pochemu-v-estonii-po-prezhnemu-mnogo-negrazhdan>, дата обращения 31.08.2019.

Итоги переписи населения Латвии (2001) // Демоскоп Weekly. № 33–34. 10–23 сентября 2001 // <http://www.demoscope.ru/weekly/033/evro01.php>, дата обращения 31.08.2019.

Мадьяр Б. (2016) Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. М.: НЛО.

Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации за 2011 год (2011) // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/upload/site1/document_file/Monitoring_realizacii_Gosudarstvennoy_programmy_za_2011_god.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2017 года (2017) // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/compatriots/monitoring/2017, дата обращения 31.08.2019.

Симонян Р., Кочегарова Т. (2010) Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 60–79 // <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoazychnoe-naselenie-v-stranah-baltii>, дата обращения 31.08.2019.

Тишков В., Устинова М. (ред.) (2007) Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука.

Тэвдой-Бурмули А. (2018) Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект-Пресс.

Федотов А. (2010) Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики // Русские в Латвии. История и современность // <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>, дата обращения 31.08.2019.

Численность населения. 1881–2000 // Eesti Statistika // <https://www.stat.ee/dokumendid/62871>, дата обращения 31.08.2019.

REL 2011: В Эстонии проживают представители 192 национальностей (2011) // Eesti Statistika // https://www.stat.ee/64847?parent_id=39107, дата обращения 31.08.2019.

Agarin T. (2016) Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no 3, pp. 81–99. DOI: 10.5130/ccs.v8i3.5144

Bernát A., Messing V. (2016) Methodological and Data Infrastructure Report on Roma Population in the EU (InGRID Working Paper MS20.3), Budapest // <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentIds=080166e5c1894e69&appId=PPGMS>, дата обращения 31.08.2019.

Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Brunnbauer U., Haslinger P. (2017) *Political Mobilization in East Central Europe*

// *Nationalities Papers*, vol. 45, no 3, pp. 337–344. DOI: 10.1080/00905992.2016.1270922

Chopin I., Germaine C., Tanczos J. (2017) Roma and the Enforcement of Anti-discrimination Law, Luxembourg: European Network of Legal Experts in Gender Equality and Non-discrimination.

Dilans G. (2009) Russian in Latvia: An Outlook for Bilingualism in a post-Soviet Transitional Society // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 12, no 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/13670050802149481

Fundamental Rights Report (2017), Luxembourg. DOI: 10.2811/240857

Gada Tautas Skaitīšanas Rezultāti īsumā. Informatīvais apskats 2011, l.3 (2012).

Hate Crime Reporting (2017) // OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights // <http://hatecrime.osce.org/czech-republic>, дата обращения 31.08.2019.

Hjerm M. (2003) National Sentiments in Eastern and Western Europe // *Nationalities Papers*, vol. 31, no 4, pp. 413–429. DOI: 10.1080/0090599032000152933

Jenne E.K. (2016) How Populist Governments Rewrite Sovereignty and Why // <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/15587/erinjennepolberg-consec-2016.pdf>, дата обращения 31.08.2019.

Kantor Z. (2006) The Concept of Nation in the Central and East European 'Status Laws' // *Beyond Sovereignty from Status Law to Transnational Citizenship* (eds. Osamu Ieda, Balázs Majtényi), Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 44–45.

Kluknavská A. (2012) The Far Right Parties in 2012 Slovak Parliamentary Elections // *Rexter*, vol. 10, no 1, pp. 1–35 // https://www.researchgate.net/profile/Alena_Kluknavska/publication/281711817_Krajne_pravicove_strany_v_parlamentnych_vobach_2012_na_Slovensku_The_far_right_parties_

in_2012_Slovak_parliamentary_elections/links/55f54c6a08ae6a34f660adf5/Krajne-pravicove-strany-v-parlamentnych-vobach-2012-na-Slovensku-The-far-right-parties-in-2012-Slovak-parliamentary-elections.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums pēc Valstiskās Piederības (2017) // The Office of Citizenship and Migration Affairs // http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Latvijas Republikas Centrālā Statistikas Pārvalde, Riga (2011) // The Central Statistical Bureau // http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultatisuma_12_00_lv.pdf, дата обращения 31.08.2019.

O'Dwyer C. (2006) *Runaway State-Building: Patronage Politics and Democratic Development*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Poulsen J.J. (1994) *Nationalism, Democracy and Ethnocracy in the Baltic Countries* // *The Politics of Transition in the Baltic States. Democratization and Economic Reform Policies* (eds. Dellebrant J.A., Norgaard O.), Umeo University, pp. 15–29.

Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma (2016) // FRA // <https://fra.europa.eu/en/publication/2016/eumidis-ii-roma-selected-findings>, дата обращения 31.08.2019.

The Situation of Roma and Travelers in the Context of Rising Extremism, Xenophobia and the Refugee Crisis in Europe (2016) // Congress of Local and Regional Authorities, 31st session,

CPL31(2016)03final, October 20, 2016 // <https://rm.coe.int/1680718bfd>, дата обращения 31.08.2019.

Tusk D. (2014) Donald Tusk on Polish Minority in Lithuania: We Want to See Standards Where Minority Rights Are Similar to Those in Poland // Premier.gov.pl, February 18, 2014 // <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/donald-tusk-on-polish-minority-in-lithuania-we-want-to-see-standards-where-minority-rights.html>, дата обращения 31.08.2019.

Violent Attacks against Roma in Hungary: Time to Investigate Racial Motivation (2010) // Amnesty International, November 10, 2010 // <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR27/001/2010/en/>, дата обращения 31.08.2019.

World Bank Data (2016) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KDZG?end=2016&locations=B8&start=2016&view=bar>, дата обращения 31.08.2019.

Yiftachel O., Ghanem A. (2004) *Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories* // *Political Geography*, vol. 23, no 6, pp. 647–676. DOI: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003

Zahariev A. (2017) *Welcome to Bulgaria! Well, not if You Are Roma* // European Roma Rights Centre, September 14, 2017 // <http://www.errc.org/news/welcome-to-bulgaria-well-not-if-you-are-roma>, дата обращения 31.08.2019.

Zakaria F. (2014) *The Rise of Putinism* // *The Washington Post*, July 31, 2014 // https://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html?utm_term=.71a9e19bcb59, дата обращения 31.08.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Ethnopolitical Dynamics in the CEE EU Member-states: Trends and Prospects

Alexander I. TEVDOY-BOURMOULI

PhD in Politics, Assistant Professor, Department of Integration Processes
MGIMO of the MFA of Russia, 119454, Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: tevday@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2312-4482

CITATION: Tevday-Bourmouli A.I. (2019) Ethnopolitical Dynamics in the CEE EU Member-states: Trends and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 125–147 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Received: 25.03.2019.

ABSTRACT. *The article is focused on the current ethnopolitical dynamics in the EU' CEE Member-States and on the peculiarities that distinguish this sub-region among another ones in the EU area. The main phenomena analyzed are the establishment of the conservative right regimes in Poland and Hungary, the attempts to build the ethno-ocratic Nation-State in some Baltic States, the politization of the cross-frontier ethnic minorities issue as well as the traditional stigmatization of the Roma minority. There are some frame factors influencing the intensive manifestation of the above-mentioned trends: the peculiarities of the Nation-building process in the region of the traditional imperial domination are juxtaposing with the modern globalization and regional integration trends challenging the ambitions of the adepts of the Nation sovereignty. These are the cases of Poland and Hungary whose historical background has formed favorable conditions for the right-conservative renaissance. Yet the Baltic project of the ethnic Nation-State construction proved its impossibility amid the socio-economic and demographic trends of nowadays Europe.*

KEY WORDS: *ethnopolitical dynamics, nationalism, discrimination, right populism, right conservatism, ethnic minorities, cross-frontier minorities, European integration*

References

- Agarin T. (2016) Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context. *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no 3, pp. 81–99. DOI: 10.5130/ccs.v8i3.5144
- Bernát A., Messing V. (2016) *Methodological and Data Infrastructure Report on Roma Population in the EU* (InGRID Working Paper MS20.3), Budapest. Available at: <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentId=s=080166e5c1894e69&appId=PPGMS>, accessed 31.08.2019.
- Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunnbauer U., Haslinger P. (2017) Political Mobilization in East Central Europe. *Nationalities Papers*, vol. 45, no 3, pp. 337–344. DOI: 10.1080/00905992.2016.1270922

Chopin I., Germaine C., Tanczos J. (2017) *Roma and the Enforcement of Anti-discrimination Law*, Luxembourg: European Network of Legal Experts in Gender Equality and Non-discrimination.

Citizenship and Migration (2018). *Ministry of Home Affairs of Estonian Republic*. Available at: <https://www.siseministeerium.ee/ru/grazhdanstvo-i-migraciya>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Dilans G. (2009) Russian in Latvia: An Outlook for Bilingualism in a post-Soviet Transitional Society. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 12, no 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/13670050802149481

Fedotov A. (2010) National Composition of the Population of Latvia through 110 years in the Mirror of Statistics. *Russian in Latvia. History and Modernity*. Available at: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Fundamental Rights Report (2017), Luxembourg. DOI: 10.2811/240857

Gada Tautas Skaitīšanas Rezultāti īsumā. Informatīvais apskats 2011, l.3 (2012).

Gruber D. (2012) The Status of an “Alien” – the “Creeping Disappearance” of Stateless Persons in Estonia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 15, no 1(60), pp. 157–184. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-inostrantsa-pochemu-v-estonii-po-prezhnemu-mnogo-negrazhdan>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Hate Crime Reporting (2017). *OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights*. Available at: <http://hatecrime.osce.org/czech-republic>, accessed 31.08.2019.

Hjerm M. (2003) National Sentiments in Eastern and Western Europe. *Nationalities Papers*, vol. 31, no 4, pp. 413–429. DOI: 10.1080/0090599032000152933

Jenne E.K. (2016) *How Populist Governments Rewrite Sovereignty and Why*. Available at: <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/15587/erinjennepolberg-consec-2016.pdf>, accessed 31.08.2019.

Kantor Z. (2006) The Concept of Nation in the Central and East European ‘Status Laws’. *Beyond Sovereignty from Status Law to Transnational Citizenship* (eds. Osamu Ieda, Balázs Majtényi), Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 44–45.

Kluknavská A. (2012) The Far Right Parties in 2012 Slovak Parliamentary Elections. *Rexter*, vol. 10, no 1, pp. 1–35. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Alena_Kluknavska/publication/281711817_Krajne_pravicove_strany_v_parlamentnych_vobach_2012_na_Slovensku_The_far_right_parties_in_2012_Slovak_parliamentary_elections/links/55f54c6a08ae6a34f660adf5/Krajne-pravicove-strany-v-parlamentnych-vobach-2012-na-Slovensku-The-far-right-parties-in-2012-Slovak-parliamentary-elections.pdf, accessed 31.08.2019.

Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums pēc Valstiskās Piederības (2017). *The Office of Citizenship and Migration Affairs*. Available at: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf, accessed 31.08.2019.

Latvijas Republikas Centrālā Statistikas Pārvalde, Riga (2011). *The Central Statistical Bureau*. Available at: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_ismuma_12_00_lv.pdf, accessed 31.08.2019.

Magyar B. (2016) *The Anatomy of Post-communist Mafias State: Case of Hungary*, Moscow: NLO (in Russian).

Monitoring of the Realization in 2011 of the State Program for the Assistance to the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots living abroad (2011). *The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/Monitoring_realizacii_Gosudarstvennoy_programmy_za_2011_god.pdf, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Monitoring of the Realization in the 4th trimester of 2017 of the State Program for the

Assistance to the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living abroad (2017). *The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2017, accessed 31.08.2019 (in Russian).

O'Dwyer C. (2006) *Runaway State-Building: Patronage Politics and Democratic Development*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Population Quantity. 1881–2000. *Eesti Statistika*. Available at: <https://www.stat.ee/dokumentid/62871>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Poulsen J.J. (1994) Nationalism, Democracy and Ethnocracy in the Baltic Countries. *The Politics of Transition in the Baltic States. Democratization and Economic Reform Policies* (eds. Dellebrant J.A., Norgaard O.), Umeo University, pp. 15–29.

REL 2011: There Are Representatives of 192 Nationalities in Estonia (2011). *Eesti Statistika*. Available at: https://www.stat.ee/64847?parent_id=39107, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Results of Latvian Population Census (2001). *Demoscope Weekly*, no 33–34, September 10–23, 2001. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/033/ev-ro01.php>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma (2016). *FRA*. Available at: <https://fra.europa.eu/en/publication/2016/eumidis-ii-roma-selected-findings>, accessed 31.08.2019.

Simonyan R., Kochegarova T. (2010) Russian-speaking Population in Baltic States. *MGIMO Review of International Relations*, no 3, pp. 60–79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoy-azychnoe-naselenie-v-stranah-baltii>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Tevdoy-Burmuli A. (2018) *Ethnopolitical Dynamics of the EU*, Moscow: Aspect-Press (in Russian).

The Situation of Roma and Travellers in the Context of Rising Extremism, Xenopho-

bia and the Refugee Crisis in Europe (2016). *Congress of Local and Regional Authorities*, 31st session, CPL31(2016)03final, October 20, 2016. Available at: <https://rm.coe.int/1680718bfd>, accessed 31.08.2019.

Tishkov V., Ustinova M. (eds.) (2007) *Transforming Ethnopolitical Conflict. The Berghof Handbook*, Moscow: Nauka (in Russian).

Tusk D. (2014) Donald Tusk on Polish Minority in Lithuania: We Want to See Standards Where Minority Rights Are Similar to Those in Poland. *Premier.gov.pl*, February 18, 2014. Available at: <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/donald-tusk-on-polish-minority-in-lithuania-we-want-to-see-standards-where-minority-rights.html>, accessed 31.08.2019.

Violent Attacks against Roma in Hungary: Time to Investigate Racial Motivation. (2010) *Amnesty International*, November 10, 2010. Available at: <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR27/001/2010/en/>, accessed 31.08.2019.

World Bank Data (2016). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KDZG?end=2016&locations=B8&start=2016&view=bar>, accessed 31.08.2019.

Yiftachel O., Ghanem A. (2004) Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories. *Political Geography*, vol. 23, no 6, pp. 647–676. DOI: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003

Zahariev A. (2017) Welcome to Bulgaria! Well, not if You Are Roma. *European Roma Rights Centre*, September 14, 2017. Available at: <http://www.errc.org/news/welcome-to-bulgaria-well-not-if-you-are-roma>, accessed 31.08.2019.

Zakaria F. (2014) The Rise of Putinism. *The Washington Post*, July 31, 2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html?utm_term=.71a9e19bcb59, accessed 31.08.2019.